

Известия. — 1998. — 6 марта. — с. 6.

Для чего играют пианисты

Как он играет — это надо видеть. Кажется, что в Денисе Мацуеве соединилось несоединимое — чувственная нежность Листа и бурный темперамент Джерри Ли. Абсолютно забываясь на сцене, Денис нависает над роялем, ныряет под него, клавиатура дрожит от всплеска эмоций и чуть не мнется под руками, словно лист бумаги.

Пауза... Зал забыл вздохнуть... И вот те же самые руки ласкают клавиши и заставляют их звенеть...

В прошлую субботу Большой зал Консерватории под крики «браво» трижды вызывал Дениса Мацуева на бис. Глаза дам всех возрастов были особенно теплы. Предрекать большое будущее студенту четвертого курса Консерватории — не мое дело, но пока все в жизни у Дениса складывалось на редкость удачно. За его плечами — поддержка фонда «Новые имена», Гран-при в Иоганнесбурге, гастроль, сольные программы, выступление перед самим Уэббером с собственными джазовыми обработками знаменитых опер. Впереди у Дениса — Конкурс имени Чайковского, гастроль по России и за рубежом. Для москвичей 22 марта, по возвращении из Парижа, Денис сыграет в Большом зале Гершвина.

И все-таки позволю себе небольшой прогноз: Денис Мацуев будет любимцем женщин, как и любимцем публики. Ведь женщины любят хулиганов, а публика любит тех, кто любит публику...

— **Вы не боитесь стать избалованным?**

— Как ребенок я уже избалован. А как исполнитель, думаю, нет. Завоевание публики довольно сложно, это выстраивается еще до концерта — то, что ты хочешь сказать, и как ты это будешь говорить. Я не считаю, что это предел. У меня был гораздо больший успех — в том же Париже, в Японии, как это ни странно.

— **Это все было по линии фонда «Новые имена»?**

— Вначале — да. Когда я приехал в Москву, меня мало кто знал в музыкальных кругах, мало кто помогал. Поэтому фонд дал начальную базу. Я могу только восхищаться этой организацией — такой нет нигде больше в мире. Чтобы такую поддержку оказывать молодым... Это потрясающе. То, что они делают, уникально.

— **Денис, у вас не было ощущения, что вы старше, чем есть на самом деле?**

— Да вы что! Мне от силы 15–16 лет. Как только есть свободное время, бегу играть в футбол. У фонда своя команда, я центрфорвард, люблю забивать голы, но никогда не отбрасываю в защите, за что получаю нагоняй. Я страшный фанат московского «Спартака». Люблю тусовки, яхты, друзей-подруг. Подражаться люблю... Вот с армейцами бы я подрался.

— **Музыкант и мужественность — совместимы ли эти два понятия?**

— Я считаю — да. Игра на фортепиано свойственна мужчине.

Это не значит, что женщины плохо играют — среди них есть гениальные исполнительницы. Но все-таки это мужская игра.

— **Ваши родители бросили все и занимались только вами...**

— Мои папа с мамой — оба музыканты. Они пошли на большое самопожертвование: переехали сюда и работают чисто символически — просто для то-

го, чтобы работать. Они занимаются с детьми, папа прекрасный пианист, пишет музыку. Но в основном, как это было и в четыре года, он сидит за роялем со мной.

— **Несмотря на то, что сын — человек уже самостоятельный?**

— Да не самостоятельный! Они со мной, как с трехлетним — и завтраки в постель, и стирки... Я полностью освобожден от этого. В Иркутске осталась только бабушка, и как только выдается свободное время — лечу туда. Там меня любят, просят, чтобы больше выступал.

— **Не давит ли на плечи необходимость оправдать надежды родителей?**

— Они понимают, во что все вложили. Сейчас я реализован процентов на сорок в своей игре. Я ленивый человек, не люблю заниматься, а люблю поспать — встать в час, в полвторого. Они знают, что я могу играть лучше, и я сам это знаю.

— **Что же заставит вас реализовать остальные шестьдесят процентов?**

— Я думаю, сама ситуация. Масса концертов, хочется все больше играть, слушать. Мастерство приходит постепенно.

— **Вы прошли 1-й тур Конкурса имени Чайковского... Есть уже какие-то предчувствия на этот счет, кто может занять первое место?**

— Я не люблю конкурсы и могу обойтись без них. В Иоганнесбурге, в ЮАР, я получил Гран-при и при этом никакого удовольствия. Но Конкурс имени Чайковского — это интересно в любом случае. Это победит — невозможно сказать, на первое место есть человек пятнадцатый. Сейчас многие умеют играть хорошо, и конкурс этого года будет самым сильным, по моему, за все время существования.

Но если на конкурсе я буду играть, как на концерте, меня скинут с первого тура. Там не любят артистичную игру, не любят своего «я», неожиданных

поступков. Там царит академичность. Придется играть как надо. Хочу угодить всем — и жюри, и публике, и себе. Найти компромисс.

— **Вы сказали — сейчас многие играют хорошо. Что же нужно добавить к хорошей игре, чтобы стать музыкантом выдающимся?**

— Нужен хороший профессор. Необходимо найти человека, который бы тебя постоянно слушал, поправлял, для которого нужно играть. У меня в данный момент очень хорошо все сложилось — по приезде в Москву я поступил к Гясецкому Валерию Васильевичу, он ученик Наседкина Алексея Аркадьевича, а тот — ученик Генриха Густавовича Нейгауза. Это лучшая в мире школа. На первом курсе я пришел к самому Наседкину, а теперь учусь у Доренского. Получилось сплетение разных школ, это интересно, и я ужасно доволен.

— **Во что вы верите?**

— Я верю в то, что все будет хорошо. С этим чувством я и приехал в Москву. Может быть, поэтому мне и помогают. Я никогда не волнуюсь на сцене, где бы она ни находилась — в деревенском ДК, в Карнеги-холл, в Большом зале. Испытываю огромную радость, все начинает гореть внутри.

— **У вас есть ощущение своего поколения?**

— Нет, я отличаюсь от своего поколения, потому что воспитывался на другом. Знаю всю оперу и оперетту, всю музыку к кинофильмам, все романсы, Ахматову, Цветаеву, джаз, рок, поп, рэп. Я все это могу играть.

Но идет уклон в сторону чего-то нехорошего. Классическая музыка умирает. Что может сделать человек талантливый, если он живет — возьмем любую точку на карте — на Камчатке? Только из Москвы можно пробыть, да и то сложно. С другой стороны — появилась возможность выбиваться, ездить на конкурсы, брать мастер-классы

в Европе. Но все — за пределами страны. Я был в 43 городах России и 32 странах мира. Там публика счастлива, потому что после концерта она сядет в свои роскошные автомобили и поедет домой, где все замечательно. А у нас нет газа, горячей воды, света, денег... И все равно эти несчастные люди, отдающие последние деньги за концертный билет, открыты и доброжелательны.

— **Вам нравится очаровывать, околдовывать публику...**

— Конечно, а что еще надо? Я играю для людей, для публики. Да-да, я этого и добиваюсь. Немедленной отдачи зала.

— **Не популизм ли это?**

— Нет. А ради чего играют пианисты? Ради чего наша профессия существует?

— **Вы будете и дальше «музыкально хулиганить»?**

— Обязательно. Когда-нибудь сыграю в Большом зале Консерватории отделение классики и отделение джаза. Может быть, через год — сейчас нет времени.

— **Настолько напряженна жизнь?**

— 7 марта улетаю в Париж, затем приеду в Москву и сразу — в Иркутск, концерт для презентации диска. Я люблю выступать там — безумно теплая публика, моя родина... Сыграю в Большом зале Гершвина, уеду в Англию, потом гастроль по России, что-то еще... Конкурс Чайковского, Греция, Япония.

— **А потом поселитесь за границей?**

— Не смогу. Я восемь лет подряд никак не отвыкну от Иркутска. Когда на Байкале ложиться на лед, смотришь вниз — а там глубина два километра и дно видно...

P.S. Скажем по секрету — фонд «Новые имена» готовит для Дениса к маю сольный концерт из двух отделений — классики и джаза. Мечты должны сбываться.

Ирина БЖАХОВА.

Фото Виктора АХЛОМОВА.